

ШЛИ ГОДЫ, и я начал все больше опасаюсь за Сиднея, работающего в условиях системы, которой подчинены все американские деятели искусства, и в особенности актеры. Должен сказать откровенно, что, на мой взгляд, подавляющее большинство голливудских фильмов — это чудовищная растрата времени, таланта и денег, и я очень редко хожу их смотреть. Например, «Школьные джунгли» не произвели на меня особого впечатления — для этого я слишком хорошо знаю, что такое государственные школы в Нью-Йорке, — но Сидней, по-моему, очень хорош и правдив в этом фильме. Каким-то образом ему удалось вырваться из шаблонов картины, и сегодня у меня в памяти сохранилась только его игра. Не потрясла меня и «Плачь, любимая страна», но Сидней в эпизодической роли молодого священника был чудом, живым воплощением негодования. Это был молодой Сидней, и я почувствовал, что теперь мне всегда будет не хватать его.

Я считаю, что Америка, — наверное, самая опасная страна в мире для настоящего художника, какой бы род искусства он ни избрал. Ведь сама природа нашего общества беспощадно отторгает художника от его творческих стремлений, безжалостно карает его за эти стремления и за дерзание. Американская же форма признания — слава и деньги — может оказаться самой мучительной из всех кар. Художники в этом не виноваты, но, мне кажется, они могли бы попытаться что-то сделать, чтобы изменить подобное положение вещей.

Эта отторгнутость, которая грозит всем американским художникам, становится в тысячу раз опасней и неизмеримо более страшной для черных художников. «Помни, откуда ты», — как-то сказал мне Сидней, и сам он, что бы ни утверждали его хулители, всегда об этом помнит. Но человеку, достигшему таких высот успеха, как Сидней, становится очень трудно сохранять связь с тем, что его питало.

Мне хотелось бы, чтобы Марлон и Сидней верну-

лись на сцену, но я прекрасно понимаю, почему они не могут этого сделать. Бродвей требует почти таких же жертв, что и Голливуд. Здесь подвергаешься еще большему риску и случайностям. Бродвей по меньшей мере так же бездарен, а его сценический

го были также и зрители. С той поры, когда я был гарлемским мальчишкой и ходил в театр Лафайетт, я не видел в зрительном зале столько черных. Они пришли сюда потому, что жизнь на сцене как-то обьясняла их собственную жизнь. Общение между

ворит правды и о жизни белых; но белыми американцами, по-видимому, владеет потребность грезить, тогда как черными американцами владеет потребность пробудиться.

Я также не поклонник телевидения и думаю, что будущие поколения вряд ли

американский народ непрерывной сказкой об американской жизни. Оно считает, что его задача — развлекать американский народ. Но предлагаемые им развлечения трудно отличить от наркотиков, и провести некоторое время перед телевизионным экраном — значит узнать очень страшные вещи о том, как американцы воспринимают реальность. А лицо негра, показанное правдиво, не только неуместно в этих грезах, оно прямо им противопоставлено.

Сидней — теперь суперзвезда. Это должно казаться загадочным очень многим людям, и в первую очередь самому Сиднею. Он изумительный актер, как вынуждены признать даже самые ярые его недоброжелатели, но его талант раскрылся уже давно, и, значит, его особое положение объясняется не этим. Конечно, он чрезвычайно обаятелен и мужествен. Но эти качества с такой же легкостью могли обернуться против него. Настоящая загадка! Если говорить не о человеке, а о создаваемом им образе, то в нем есть страдание, гнев и возрожденное благородство, сочетание которых щекочет нервы белых зрителей и в то же время успокаивает их.

В этой стране у негров отняли все, и они не хотят, чтобы у них отняли и их художников.

Я хотел бы рассказать вам один случай, который показывает, насколько негритянские художники нуждаются друг в друге. Сидней прочел мой роман «Другая страна» до того, как книга вышла в свет. Она ему понравилась, но он знал, как я опасуюсь, что она будет принята плохо. Мой издатель устроил вечер в «Малом раю Большого Уилта» в Гарлеме. Сидней приехал очень рано. Я был готов к приему приглашенных, но перепугался насмерть. Сидней догадался об этом и отправился прогуляться со мной по улицам, разговаривал со мной и помог мне прийти в себя. А потом он отвел меня обратно и, убедившись, что я держу себя в руках, потихоньку ушел. И лишь тогда я понял, что он приходил только для этого. А званый вечер его вовсе не интересовал.

Джеймс БОЛДУИН,
американский писатель

ЛИК ОТЧАЯНИЯ

Почему Сидней Пуатье покинул США

О Сиднее Пуатье в американской печати много писалось. Талантливый актер-негр, знакомый миллионам кинозрителей, снялся в десятках фильмов, получил золотого Оскара (высшая премия американской Академии киноискусства), а вместе с ним — признание, успех, славу. «Скованные одной цепью» Стенли Креймера, «В разгар ночи» Нормана Джонсона, «Господину, с любовью» Джеймса Кловелли, «Угадай, кто придет к нам обедать» Стенли Креймера и много других фильмов — вот длинный «послужной список» Сиднея Пуатье, из которого буржуазные пропагандисты сделали своего рода символ успешия перед лицом раздирающих Америку расовых и классовых противоречий.

И вот Пуатье покинул родину. «Я не могу творить в атмосфере, настолько проникнутой ненавистью», — заявил он корреспонденту газеты «Ньюсдей». — Я видел, как обостряются чувства тревоги, страха и недоверия, как между людьми возникают страшные конфликты, порожденные расовыми, политическими и экономическими причинами. Ощущается явный сдвиг вправо».

Известный негритянский писатель Джеймс Болдуин (чью статью из журнала «Лук» мы перепечатаем с небольшими сокращениями) видит в судьбе Пуатье трагедию, общую для большинства негритянской интеллигенции в сегодняшней Америке.

материал, бог свидетель, ничуть не лучше. И все-таки я не могу не чувствовать, что это большая потеря и для актеров, и для зрителей.

Я на всю жизнь запомнил постановку «Июминки на солнце». Тот факт, что эта пьеса почти наверняка не была бы вообще поставлена, если бы Сидней не согласился взять в ней роль, говорит очень много о Сиднее и — с другой стороны — об условиях, в которых работают американские художники. На сцене Сидней изумителен, он полон едкого и опасного огня, который озаряет все на miles вокруг. Смотреть, становиться частью того, что происходило на сцене, — это великолепно. И причиной это-

актером и зрителями было предельным. В американских театрах этого почти никогда не случается — факт более тревожный, чем может показаться на первый взгляд. Во-первых, воздействие Сиднея на этих зрителей свидетельствует о непрерывном и нарастающем отчаянии черных в этой стране, которые не находят в искусстве ни малейшего отражения своей подлинной жизни. Именно поэтому черные относятся с определенным недоверием к любому знаменитому негру, с полным основанием чувствуя себя покинутыми.

Следует добавить, так как это влияет на любую оценку любой негритянской звезды, что нынешняя культура, безусловно, не го-

извлекут много полезного из того, что сейчас заполняют телевизионные экраны Америки. От телевизионной рекламы я готов лезть на стену. И все же, пока существует такой экран и такая реклама, очень важно внушить американскому народу ту истину, что черные тоже чистят зубы, бреются, пьют пиво и курят сигареты, — хотя, возможно, американскому народу понадобится несколько больше времени, чтобы понять, что мы тоже моем волосы шампунем.

Но в этом есть своя трудность, своя загвоздка, и именно природа этой трудности навлекла нападки на Сиднея. Телевидение в том виде, в каком оно создано, обязано ублачивать

Мен. м. 1970, 8 апр. 115